

СЕКЦІЯ 1 ЕКОНОМІЧНА ТЕОРІЯ ТА ІСТОРІЯ ЕКОНОМІЧНОЇ ДУМКИ

УДК 330.101

Шедяков В.Е.*доктор соціологічних наук,
кандидат економічних наук,
незалежний дослідник*

ПОТЕНЦІАЛ РАЗВИТИЯ ТРУДОВОЙ ТЕОРИИ СТОИМОСТИ В КОНТЕКСТЕ УСИЛЕНИЯ СТРУКТУРИРОВАНИЯ ВОСПРОИЗВОДСТВЕННОГО ПРОЦЕССА ЭКОНОМИКОЙ ЗНАНИЙ

В статье исследуется диапазон изменений трудовой теории стоимости для достижения её адекватности тенденциям развития общества знаний, новому соотношению процессов индивидуализации и социализации. Внимание автора концентрируется на повышении удельного веса интеллектуальной деятельности и ценностно-смысловых комплексов для общественного труда. Активизация творческого потенциала анализируется в контексте роста производительной силы труда и комплексной конкурентоспособности культурно-цивилизационных миров.

Ключевые слова: стоимость, труд, социально-экономическое развитие.

Шедяков В.Є. ПОТЕНЦІАЛ РОЗВИТКУ ТРУДОВОЇ ТЕОРІЇ ВАРТОСТІ В КОНТЕКСТІ ПОСИЛЕННЯ СТРУКТУРУВАННЯ ВІДТВОРЮВАЛЬНОГО ПРОЦЕСУ ЕКОНОМІКОЮ ЗНАНЬ

У статті досліджується діапазон змін трудової теорії вартості для досягнення її адекватності тенденціям розвитку суспільства знань, новому співвідношенню процесів індивідуалізації та соціалізації. Увага автора концентрується на підвищенні питомої ваги інтелектуальної діяльності та ціннісно-сміслових комплексів для суспільної праці. Активізація творчого потенціалу аналізується в контексті зростання продуктивної сили праці та комплексної конкурентоспроможності культурно-цивілізаційних світів.

Ключові слова: вартість, праця, соціально-економічний розвиток.

Shedyakov V.E. POTENTIAL OF DEVELOPMENT OF LABOUR THEORY OF VALUE IN THE CONTEXT OF STRENGTHENING OF REPRODUCTION PROCESS BY THE KNOWLEDGE ECONOMY

The range of variation of the labour theory of value is examined in order to achieve its adequate to development trends of the knowledge society, to the new relationship processes of individualization and socialization. The author's attention is focused on increasing the share of intellectual activity, and value and meanings complexes for social labour. Activating of creative potential is analysed in the context of the growth of labour's productivity and complex competitiveness of the cultural and civilizational worlds.

Keywords: value, labour, social and economic development.

Постановка проблеми. Задачі забезпечення високої ефективності і конкурентоспособності економічного механізму потребують орієнтації на посилюючіся в глобальному масштабі тенденції структуризації всього виробничого процесу економікою знань, виявлення відкриваючихся перспектив, можливостей, ризиків, переваг і недоліків. Капітал демонструє свою обмеженість, а збереження всеобщности його форм загрожує не тільки наростанням ірраціоналізму, але і прямою небезпечністю життя ойкумени. Відповідно, ресурсно-методологічні зони закрилися, будучи виснаженими, інші перестали бути ефективними або визначальними. При цьому, з однієї сторони, трудове вимірювання життєдіяльності суспільства активно доповнюється іншими, з другої, – зростає ступінь його дифузії і впливу на якість життя, потенціал взаємовигідної кооперації економічних контрагентів. Це розширює парадигмальні основи потенціалу трудової теорії вартості, політико-економічного освоєння виробничого процесу.

Аналіз останніх досліджень і публікацій. Освоєння реалій економіки знань в формах виробничого праці може спиратися на характеристики праці в роботах В. Борисова, В. Бородини, К. Бутаєва, І. Буяна, Н. Вознесенського, А. Гастева, Н. Гвоздевої, Губаревої, С. Гусева, Н. Забродина, Р. Іванової, В. Канаєва, Е. Капустина, А. Кащенко,

П. Керженцева, В. Кондрашова, Р. Косолапова, І. Левиной, А. Леонтьєва, В. Мазура, М. Макеєнко, В. Махнарьова, Е. Миженської, Л. Моїсєєва, А. Ноткіна, А. Павлова, Н. Полякової, Я. Пономарєва, А. Разжигаєва, К. Сабо, В. Сагатовського, А. Смирнова, І. Толстопятова, І. Чангли; продуктивності і ефективності, що містяться зокрема в роботах А. Абалкіна, К. Вальтуха, М. Віленського, В. Воронілова, Л. Галкіна, Л. Гатовського, Е. Громова, В. Захарова, А. Іфримова, В. Каманкіна, Л. Кривої, А. Кузнецова, С. Малиніна, В. Медведєва, А. Милокова, В. Немчинова, В. Новожилова, А. Ноткіна, Г. Овчинникова, Ю. Осипова, Е. Осипової, П. Павлова, В. Радаєва, П. Рачкова, М. Солодкова, І. Столярова, С. Струміліна, Д. Трифонова, Л. Тыкоцького, В. Феодоритова, Т. Хачатурова, Н. Цаголова, В. Черковца, Л. Шепли, І. Шилина, Э.Э. Рота; особливостей людини як виробничої сили – у В. Автономова, А. Агга, Т. Бароненкової, В. Баруліна, С. Батеніна, Г. Беккера, А. Бузгаліна, Л. Буєвої, Н. Верхоглядової, Ф. Волкова, Е. Гришинової, А. Ермоленко, Э. Денисона, А. Захарової, Р. Капелюшнікова, А. Колганова, Л. Костина, В. Лыча, І. Маслової, Ф. Михайлова, В. Павленкова, А. Петровського, С. Платонова, В. Пуляєва, Е. Режабека, Е. Рузавиной, І. Соболева, М. Соїніна, І. Сорокіної, В. Толстих, Б. Цыпина, Т. Шульца, І. Ягодкіной; ролі науки, знань, духовного виробництва –

у В. Барулина, Б. Додонова, А. Вейхера, Н. Видинеева, Г. Гиргинова, Г. Егиазаряна, В. Ельмеева, В. Жамина, Г. Жильцова, Б. Злобина, Э. Ильенкова, В. Камаева, Т. Куна, Н. Мотрошиловой, В. Палий (Левичевой), С. Пирогова, Г. Селье, А. Спиркина, В. Тугаринова, А. Уледова, В. Щербины; цены, ценности и стоимости – у З. Атласа, Ф. Бастиа, Е. Бем-Баверка, К. Боулдинга, П. Буагильбера, Р. Бюи, Л. и О. Вальрасов, А. Гальчинского, О. Дробницкого, У.Ст. Джеванса, В. Дьяченко, И. Малышева, К. Маркса, А. Маршалла, Дж.Ст. Милля, С. Никитина, В. Новожилова, К. Островитянова, Ю. Пашкуса, В. Петти, В. Пешехонова, Г. Подорова, Г. Правоторова, А. Сагацкого, А. Хандруева, Л. Харриса, Н. Хессина, Дж.Р. Хикса, В. Цаги; богатства народов – у Л. Вальраса, Дж. Гэлбрейта, Дж.М. Кейнса, Дж.Б. Кларка, Ф. Кенэ, К. Маркса, А. Маршалла, Дж.С. Милля, П. Олдака, Р. Оуэна, А. Пашкова, А.С. Пигу, А. Покрытана, Г. Саркисяна, А. Смита, Д. Риккардо, Н. Тихонова; мер повышения трудовой активности – у В. Агеева, А. Базарова, П. Бунича, Г. Егиазаряна, Г. Зазерского, В. Кочикяна, Ф. Кошелева, А. Милюкова, М. Михайлова, В. Мишина, И. Обломской, Ю. Палкина, Ю. Пахомова, Е. Подольской, И. Поповой, А. Рубана, А. Синенко, В. Томашкевича, Ж. Тощенко, Н. Черниной, П. Эхина.

Цель статьи заключается в характеристике основных направлений развития трудовой теории стоимости, проистекающих из усиления структурирующей мировой воспроизводственной процесс роли экономики знаний. Это обязывает к анализу значения нарастания интеллектуальной и нравственной составляющих частей в процессе труда, обеспечении его совокупной производительности для создания общественного богатства.

Изложение основного материала исследования. Длительная эпоха приоритета гонки за уровнем удовлетворения растущих материальных потребностей преимущественно на базе расходования простого труда зримо выявила свои пределы, связанные с неравномерностью концентрации возможностей, растущим разрывом между промышленным и финансово-банковским капиталом, угрозами всей планетарной экосистеме. На первый план выходит духовно-информационная мотивация жизни, нарастает значение морально-нравственных ориентиров и научно-интеллектуальной активности в осуществлении деятельности и достижении общественно значимого результата. Соответственно, радикально ослабевает роль простого труда, освобождая место труду сложному [1–7]. Процесс общественного воспроизводства включает человеческий труд, но вообще не исчерпывается им, время же труда всё в меньшей степени характеризует длительность даже собственно стадии производства. При этом производительная сила труда может быть потенциальной или реализующейся, существующей как действительная производительность его. Производительность (производительная сила) труда связывается как с производством потребительных стоимостей (в соответствии с содержанием труда), так и с определённой общественно-исторической формой воспроизводства. Общественно разделённый, абстрактный, производительный – аспекты становления и реализации труда как отчуждённого, обеспечивающего в последовательности способов производства последовательные этапы отчуждённых форм объединения и кооперации, предоставляющих конкретно-исторические формы социализации/аккультурации [8, с. 42]. Эти происходящие перемены пронизывают способ про-

изводства, распределения, обмена и потребления, рождая новые отношения уровней взаимного формирования; «кажимость, когда она есть, тоже существенна» [9, с. 104].

Вместе с тем виртуальная реальность должна помогать развитию реальности материальной, а не пребывать в антагонизме с ней, не обеспечивать манипулирование её восприятием [10–17]. Собственно, обеспечение торжества идеальной реальности и зиждется на стержневой роли нравственности в общественной (в частности, хозяйственной) жизни. Актуализация духовного, интеллектуально-нравственного начала, в первую очередь его научно-образовательного и ценностно-смыслового аспектов, предполагает уточнение положений трудовой теории стоимости сообразно экономике знаний. Техно-технологическое и социально-экономическое развитие воспроизводства, его материально-технической базы (в первую очередь техновооружённости и оснащённости рабочего места) и общественных отношений постоянно подталкивает к совершенствованию методологии политико-экономического исследования и изложения [18–20]. Кардинальность происходящих в глобальном масштабе трансформаций демонстрирует ограниченную практическую истинность некоторых ранее разработанных абстракций и ряда исследовательских методик. Вместе с тем недостаточная глубина первичных абстракций может повлечь за собой сужение получаемых в процессе восхождения от абстрактного к конкретному как теоретических, так и практических рекомендаций. Соответственно, трудовая теория стоимости активно осваивает закономерности духовного производства на основе сложного труда, увеличивая объём владения знаниями как обязательного фактора общественно-необходимого труда.

Причём сегодня основной источник стоимости – творческий, прежде всего интеллектуальный, потенциал, а не психофизические усилия сотрудника; приоритет стратегий развития – производство знаний и эффективное их применение; добавленная стоимость распределяется с учетом затрат производителя, демократизируются системообразующие отношения общества (труда, собственности, управления); трансформируется общественное и индивидуальное потребление, ликвидируются основы классических форм отчуждения, появляется новый тип производства; экономика становится социально постглобальной, меняется тип субъекта, предмета и орудий труда в хозяйственной и институциональной структурах производства [21–24]. Из-за ускорения общественной и хозяйственной жизнедеятельности (например, быстрого устаревания знаний, актуализации требований мелкосерийного производства, вынуждающего к частой переналадке, etc.) абсолютной необходимостью становятся и переквалификация, и непрерывное образование, и постоянное самообразование. Научно-образовательные комплексы ныне – неотъемлемая часть успешного научно-образовательно-промышленного цикла. С одной стороны, научно-образовательный комплекс обязан предоставлять качественные услуги по своему профилю, воспитывая (именно образовывая, формируя) человека не только как носителя товара «рабочая сила», но и как личность, готовую к задачам информационной эры, вызовам постсовременного типа.

Соответственно, обеспечение реализованности и самостоятельности каждого из культурно-цивилизационных миров (макрорегионов) сегодня непосредственно зависит не только от умения распо-

рядиться имеющимся потенциалом, но и прежде всего его научно-интеллектуальной составляющей [25–30]. Разумеется, само содержание её отнюдь не равнозначно информированности или даже знанию. Собственно, ещё Гераклит констатировал: «Многознание уму не научает». Избыток же появившейся после «информационного взрыва» информации, приводящий в общем случае к её инфляции, обостряет проблему отбора и интерпретации. При этом знание, опыт, возможности рассеяны в обществе. Они принципиально нецентрализуемы, а теперь всё более избирательны и неравномерны. Когда нет стабильной внешней опоры в виде общности идеологии, единственности культуры, стереотипа науки, тогда необходимо признавать право на существование особенного, нестандартного. Переход к логике постмодерна, к логике свободы является и отказом от единственности любого базиса развития. Каждый должен быть готов к непрерывному процессу изменений, предусматривающему сосуществование, переkreщивание и сорезонирование самых разнообразных тенденций развития, среди которых (в отличие от модерна) уже ни одна не может претендовать на исключительное значение, которое позволяло бы без ущерба абстрагироваться от прочих. Соответственно, с одной стороны, именно развитие и реализация личности в труде и персонализация деятельности вместо нивелирования людей конвейером модерна и традицией обеспечивают эффективность и конкурентоспособность воспроизводства, накопление общественного богатства [31–33]; с другой – для этого необходимо опираться на широкие слои гражданского общества.

Таким образом, духовное производство фиксирует на фундаментальном уровне производительность общественного сознания от общественного бытия, на актуальном же – наоборот, общественного бытия от общественного сознания. Материальные и духовные культурно значимые пространственно-временные формы вещей, общественных контактов и процессов создают социально-экономический порядок, имеющий внутренние и внешние очертания. При этом творчество вообще связано с процессами взаимообогащения (в эпоху усиления духовной доминанты – прежде всего духовного же) и взаиморазвития людей как личностей, а вовсе не с преклонением перед новизной как таковой, натужным оригинальничанием. Одновременно духовное творчество как неотъемлемая определённая духовного производства оказывается крайне чутким к новым отчуждающим человеческую личность тенденциям. Так, творческое начало предполагает реализацию сущностных сил человека, потому имманентно его природе. Субъекты же духовного поиска всегда менее подвержены давлению внешних факторов и чаще находятся в состоянии нравственного выбора. Однако вынесение на передний план эффективности производства многообразия дарований работника ведёт к паразитированию именно на его духовной одарённости. Вместе с тем «историко-системный взгляд позволяет показать, что в экономике XXI века Человек всё более выступает как (1) субъект творческой деятельности, который при этом (2) целостно подчинён тотальному рынку и в силу этого (3) обретает форму «человеческого капитала» [34, с. 428]. Из-за приобретения всеобъемлющего характера общественным разделением труда содержание и формы деятельности каждого конкретного человека задаются включением в труд общественный. Средства производства включают прежний труд многих участников производства, и уже в самом отношении к средствам производства

заложена социальная характеристика трудовых отношений. «...Характеристика человека как производительной силы общества – это характеристика не просто производственная, это характеристика общественной, это, по существу, характеристика всего общества, преломленная через роль, значение, функции человека» [8, с. 197]. Если в труде как таковом социальное отношение рядоположено с деятельностью, то в творчестве социальное отношение – суть деятельности.

Поэтому как отчуждённый труд порождает «человека экономического», так свободное самодеятельное творчество воспроизводит «человека творческого», радикально меняя социальное поведение и механизмы его детерминирования, усиливая особенное соотношение макро- и микрофакторов развития трудовых отношений, повышая требования к свободе и ответственности людей на основании базовых ценностно-смысловых комплексов своих культурно-цивилизационных миров, народных традиций, исторического опыта и социального наследия [35, с. 18]. Ныне же для Украины особенно большое значение имеют трудовые отношения творчества как прямого, универсального, доступного и потому демократического и свободного пути развития, которые преодолевают элитарное, социально и политически разделённое положение в пределах отчуждения. В свою очередь, подневольный труд малоэффективен и проигрывает самодеятельному творчеству. Между тем механическое имитирование творчества не приносит искомого результата. Международные же тенденции распространения принципов и механизмов экономики знаний распространяются в глобализованном мире, вызывая к жизни не только миграционные процессы, но и ориентации в подборе работы на внешние фирмы без изменений страны жительства. Тем самым квалифицированная рабочая сила тяготеет к конкурентоспособным условиям самораскрытия, развития и жизнедеятельности, а пост-современная глобализация информационного пространства открывает для этого новые возможности и ниши. Возможности воздействия на систему производственных отношений при этом особенно значимо возрастают в направлениях создания условий развития производительных сил (прежде всего человека), хозяйственного механизма, духовного насыщения трудового процесса. Таким образом, осуществляется обогащение взаимодействия категориальных рядов производительной стоимости, стоимости и формы стоимости.

Производство материальной и духовной культуры происходит в пересечении потоков уровней: всей ойкумены, конкретного культурно-цивилизационного мира и отдельных локаций (мест жизнедеятельности). Культура существует в накоплении смыслов и вещей, их концентрирующей (по известному примеру, пила заключает функцию распиливания). С нарастанием как материально-технической базы общественного производства, так и духовных практик, закономерно повышается и значение социального наследия. Состояние и динамика культурно-цивилизационного мира продуцирует конкретные формы взаимосвязи общественной психологии и общественной идеологии в социальной жизни, теоретического и повседневного уровней общественного сознания. Находящееся в ядре духовного производства воссоздание идеального фиксирует конкретно-историческое разнообразие социально-экономических процессов, проходящих прежде всего на уровнях материально-технического (изменений потребитель-

ных стоимостей), социально-материального (стоимостей) и социально-идеального (форм стоимости). Вместе с тем органичное развитие общества требует поддержки созидательности социокультурной интеграции, социокультурного капитала, обязательность опоры на его постоянно воспроизводимые особенности, сводимые в ценностно-смысловые комплексы.

Изучение ценностно-смысловой организации различных типов хозяйственных общностей и культурно-цивилизационных миров, а также предоставляемых социально-экономической компаративистикой альтернативных подходов при характеристике функционирования и развития систем и безсистемных целостностей демонстрирует влияние на эффективность новой модернизации баланса между национальными и историческими особенностями организации ведущих ресурсных баз научно-образовательных комплексов и их адаптационными возможностями. Соответственно своей природе, ценностно-смысловые комплексы культурно-цивилизационных миров, переходя в матрицы ментальных кодов народов, обеспечивают достижение состояния соборности, влияют на состояние и вектор трансформаций эмоционального интеллекта общества, определяют общественные предпочтения, поведение и исторический выбор. Именно на их основе появляется возможность как уточнить модель развития, так и выстроить более органичное представление о желаемом. При этом рост значимости образования, науки и культуры среди ценностных иерархий влечёт ускорение общественного развития, а прогресс, в свою очередь, приводит к повышению ценности образования.

Вместе с тем неправомерно сводить логику изменений в трудовых отношениях исключительно к детерминированию экономической культуры технологическими инновациями. Во-первых, нравственные параметры существования общества, создающие его ценностно-смысловые комплексы, традиции, уклады и приоритеты, выступают неотъемлемым фактором воспроизводства. Во-вторых, если ранее зачастую на первый план выходила связь аморальности с расширением диапазона выбора, принося успех отсутствию нравственного ригоризма, то под давлением факторов общества знания этическая неразборчивость граничит с фатальной опасностью для ойкумены. В упоении могуществом интеллекта и результатами НТР мы привыкли, что «сон разума порождает чудовищ», но еще более грозные химеры могут инициироваться самим разумом, аморальным интеллектом. В-третьих, значение нравственного остова возрастает при трансформациях парадигмального уровня и в ситуациях, близких к институциональной неопределённости. Гуманизированные же технологии постмодерна вообще не являются социально нейтральными, зачастую уже на стадии проектирования в них закладывается сознательная ориентация на развитие и обогащение или же трансформацию культуры (прежде всего восприятия). Важное значение приобретает влияние именно культурной среды на появление и восприятие нововведений техники и экономики. Одновременно транзитное состояние общества выводит к точке бифуркации, повышает уровень неопределённости, доводя его до стратегической плоскости. Причём форсированность преобразования собирает множественность альтернатив в тугой узел выбора в исторически краткий момент. Одновременно в постглобальном мире логика событий рождается во взаимодействии (партнёрстве и конкуренции) разнородных над-, меж- и внутригосударственных обра-

зований. Вместе с тем важнейшие процессы в каждом из регионов существенно зависят от вектора и динамики доминирующих в ойкумене тенденций.

Увеличение значения духовного производства/духовного творчества меняет восприятие отношения к труду, перенося акценты от внешней товарно-денежной оценки к самораскрытию, реализации своих сущностных сил, от безличностной игры рыночных сил, товарно-денежного механизма и, соответственно, «холодного» прагматичного управления к теории поведения свободного, творческого, самодельного человека как самодовлеющей ценности. Соответственно, отнюдь не формальные конструкты, а качество жизни и возможности творчества должны определять показатели прогресса страны; новые горизонты развития открываются тем государствам, в которых общественный строй максимально способствует реализации творческого потенциала граждан. Само содержание социохозяйственной жизни все больше задаётся не столько «руководящей элитой», сколько повседневными контактами личностей между собой. Таким образом, это кардинально меняет не только взаимоотношение между обществом и человеком, но и выносит на передний план деятельности государства выполнение им своих социальных функций: поддержки науки, культуры, образования, здравоохранения, коммунальных услуг, которые требуют приоритетного финансирования и интенсивного развития. С одной стороны, в процессах хозяйствования при нынешнем уровне общественного разделения труда уровень кооперации и взаимозависимости настолько высок, что превращает под натиском всесторонней социализации понятие частной собственности в абстракцию, принцип. С другой – стимулы самореализации и чувство собственного достоинства акцентируют задачи личного совершенствования, достижений. В любом случае, при всём разнообразии конкретных вариантов и форм сочетания общественного и личного, всеобщего и частного, очевидно, что направления реформ, связанные с разрушением культурного слоя цивилизации или же с наступлением на права и возможности творческой самореализации человека (тем более на его жизнь), не могут быть признаны эффективными. Соответствующим образом, и постсоветская трактовка государства всеобщего благосостояния предполагает ориентацию не на скопление разнообразных социальных иждивенцев и их обслуживание, а на активную поддержку творчества (прежде всего интеллектуального и духовного) с реализацией приоритета человека, его прав и свобод; социальной справедливости, то есть социального равенства людей в правах и возможностях; солидарности, понимаемой как выражение общности человечества и сочувствия к жертвам несправедливости. Общее процветание сегодня связывается с ценностно-смысловыми комплексами не праздности и потребительства, а созидания и творческого поиска.

Вместе с тем с распространением стоимостных отношений капиталоподобие распространяется на явления совершенно иной природы, вызывая появление разнообразных иррациональных форм. По мере развития финансового капитала и доминирования его оборота фиктивные величины приобретают решающее значение в глобальном масштабе. Однако постглобальное состояние мира усиливает отличия разных регионов и секторов его хозяйствования. Преодоление господства стоимостной, а затем и предметно-продуктовой формы движения общественных отношений за счёт развития маркетинга,

прогнозування і управління потребителським вибором здійснюється при переході акцентів от тиражування стоимостей или же продуктів к регулюванню діяльності, а затем на оперирование человеком, формирование его вкусов тенденциями моды. Соответственно, обмен деятельностью и продуктообмен (натуральный, товарообмен, в том числе в своей всеобщей форме стоимости с переходом от знаковой формы к идеальной форме стоимости) выявляет качество движения к трудообмену и обмену способностями [20, с. 28–34]. Специфика базовых характеристик отношений различных сфер общественного бытия в системообразующих отношениях труда, собственности и управления особенно выпукло обнаруживает под собой черты взаимодействия (кооперации и соперничества) культурно-цивилизационных миров: «За повторяемостью различий видится не дурная бесконечность изменений, а некий направленный, упорядоченный процесс, за которым скрывается определённый смысл» [9, с. 73]. При этом трансформация интерпретаций происходящего в рамках возможностей паутинообразных моделей ценообразования скрадывает определяющее воздействие ресурсно-методологических баз маркетинга. Явление соотносится с сущностью как своим законом. В этом смысле движение воспроизводственных процессов создает глубинные тенденции изменения хозяйственных отношений, создающих адекватные себе формы и методы в хозяйственном механизме. Процесс хозяйствования как межличностного общения и обретения смыслов создаёт потенциал и реализует возможности обмена, утверждения и развития форм ценностно-смысловых комплексов. В этой ситуации, с одной стороны, однозначный прогноз перспектив творчества и его результатов малопродуктивен и место эффективного директивного государственного регулирования ограничено. С другой – обеспечение условий для самораскрытия лучших черт потенциала каждого (прежде всего уховного, нравственного и интеллектуального) требует концентрации и защиты народной воли средствами государства. Постсовременность предполагает, что в процессе осуществления анализа, прогностики и конструктивных действий в основном приходится иметь дело со слабоструктурируемой многоуровневой средой, где сходятся и диффузируют совершенно разные социально-экономические логики и тенденции. Эти основания приводят к фиксации заведомо более мозаичных, гибридных, конгломератных общественных коммуникаций, которые несут акцентирование индивидуально-психологическим (а не социально-экономическим) началам, потому вместо привычных в прошлом иерархий усиливается равнозначность разного, полисистемность, невозможность заблаговременного установления жёсткого единообразия социально-экономических масштабов и канонов (наряду с повышением в глобальных масштабах технико-технологической стандартизации).

Задействование же спусковых крючков механизмов старта позитивных изменений во всём культурно-цивилизационном мире требует приоритетного внимания к управлению знаниями, эффективным путям улучшения отношения к труду (в частности, умственному), повышению уровня и разнообразия форм материального и нематериального стимулирования развития и реализации научно-интеллектуального потенциала. Вместе с тем обостряется противостояние основных форм и моделей социализации человека, в частности, государственных и корпоративных (последние порождают в качестве своего

инструмента олигархат). Выбор сегодняшнего дня: обеспечение государством полноты реализации эгоистических, узкокорыстных интересов некоторых – или же решение гораздо более широких задач, опираясь в том числе и на частную заинтересованность, и на индивидуальную творческую инициативу. Обеспечение же соответствия качества управления уровню управляемой реальности для достижения комфортности и мотивированности, безопасности и развития, духовности и собранности требует и эффективного воздействия на контуры самоуправления и координации, и учёта своеобразия объектов, управляемых, самоуправляемых и неуправляемых.

Выводы. С усилением структурирующего мировую экономику значения общества знаний возрастает удельный вес духовной деятельности в общественно-необходимом труде, в общих процессах воспроизводства и в создании новой стоимости. С одной стороны, создание и распространение знаний, с другой – ценностное освоение мира приоритетно закрепляются в качестве ведущей составляющей части общественно-необходимого труда. Постглобальное состояние жизнеустройства включает как усложнение сочетания процессов индивидуализации и социализации/аккультурации (в производстве сопряжённое с появлением ниш узкой специализации (сникеризацией), в потреблении с учащением общего получения (присвоения) материальных и духовных благ), так и дальнейшее «разламывание» ойкумены на разноуровневые регионы (в первую очередь культурно-цивилизационные миры). Разветвлённые хозяйственные связи фиксируют процессы кооперирования – в укреплении стратегических партнёрств, конкуренции – в их соперничестве, пронизывающем все «этажи» постиндустриальной экономики.

Таким образом, устойчивое развитие экономики в контексте наметившихся мировых тенденций предполагает акцентирование (в частности, за счёт ресурсов стимулирования) деятельности в духовном производстве. Изучение же институциональных и ценностных принципов организации разных типов хозяйственных общностей, альтернативных подходов к оценке систем стимулирования позволяет преодолевать жёсткий производственный детерминизм, отказываться от анализа и оценки хозяйственных ситуаций и процессов исключительно с позиций безотлагательной пользы, переходить к исследованию трудового поведения и трудовых отношений с учётом историко-культурных религиозно-этических традиций, плюральных моделей персонального и группового выбора. И отсутствие жёсткой логики социальной ткани Традиций или Модерна, их культурной предопределённости может как кардинально увеличить возможности развития, так и обеспечить срыв в контрмодерн из-за неупорядоченности культуры и социального хаоса (чему могут способствовать, например, негативные тенденции в трудовой миграции, демографической ситуации и проч.) Соответственно, необходимо переходить от привычки к навязыванию глобальных стандартов крайне разнородным культурно-ценностным мирам к ориентации на культивирование собственных общесоциальных условий продуктивности и долговременной стабильности жизнедеятельности. Таким образом, восстановление динамического равновесного состояния планетарной биосоциальной системы предполагает, в частности, переход от базирования на расходовании физического труда как основной части общественно-необходимого к духовно-интеллектуальной деятельности как его определяющей составляющей части,

от превалирования материального аспекта жизнедеятельности к виртуально-ментальной сфере, от ориентации на сверхпотребительство и погоню за удовольствиями к ценностям нравственности и созидания, от единообразия шаблона жизнеустройства и развития к их многообразию на основе базовых ценностно-смысловых комплексов культурно-цивилизационных миров. Заведомая ресурсно-методологическая плюральность постсовременности (от постмодерной культуры до постиндустриальных отношений, включая духовное производство) предполагает преодоление обязательности канонов и штампов, появление и реализацию подлинной свободы выбора для каждого. Нужно осовременивание, модернизация, – но она отнюдь не обрекает следовать модели вестернизации, тем более в «догоняющих» вариациях. Усиление тенденции постмодерна для моделей жизнедеятельности и развития означает, в частности, ориентацию ресурсных баз и методологий обеспечения соборности и достижения общественной эффективности в социально-экономической среде не системы, а целостности – с комплексом присущих ей особенных характеристик, а также широкое использование принципа превращенных (преобразованных) форм во взаимодействии культурно-цивилизационных миров с их разнообразием социокультурных и морально-нравственных стилистик. Основания для общественного согласия укрепляются продуктивными возможностями налаживания общегражданского диалога и государственно-частного партнерства.

Повышение эффективности дальнейшего развития системы хозяйствования требует как обновления теоретического аппарата освоения социально-экономической действительности, так и уточнение арсенала эффективного воздействия на неё. Тем самым формируется объективное основание для дальнейших научных разведок развития организационно-управленческого потенциала стимулирования труда.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Алексахина Т.А. Философско-методологический анализ изучения стоимости : дис. ... канд. филос. наук. / Т.А. Алексахина. – Красноярск, 2010. – 156 с.
2. Криворак А. Родовой признак категории «стоимость» / А. Криворак, С. Демьяненко // *Економіст*. – 2011. – № 9. – С. 65–67.
3. Артемова Т.И. Стоимость и цена: логико-исторический процесс формообразования / Т.И. Артемова. – К. : Основа, 2006. – 448 с.
4. Гальчинский А.С. Карл Маркс об историзме денежных отношений / А.С. Гальчинский. – М. : Мысль, 1985. – 190 с.
5. Хандруев А.Л. Деньги в экономике современного капитализма / А.Л. Хандруев. – М. : Мысль, 1983. – 205 с.
6. Пашкус Ю.В. Деньги и валютная система современного капитализма / Ю.В. Пашкус. – Л. : ЛГУ, 1983. – 175 с.
7. Вейхер А.А. Сложный труд. Методология изучения, социально-экономические факторы, тенденции развития / А.А. Вейхер. – Л. : Наука, 1978. – 128 с.
8. Платонов С. После коммунизма: Книга, не предназначенная для печати / С. Платонов ; 2-е изд. – М. : Мол. гвардия, 1991. – 555 с.
9. Барулин В.С. Диалектика сфер общественной жизни / В.С. Барулин. – М. : Изд-во МГУ, 1982. – 230 с.
10. Звиглянич В.А. Логико-гносеологические и социальные аспекты категорий видимости и сущности / В.А. Звиглянич. – К. : Наук. думка, 1980. – 151 с.
11. Ермоленко А.Н. Превращенные формы социальной рациональности / А.Н. Ермоленко, К.Ю. Райда. – К. : Наук. думка, 1987. – 163 с.
12. Мелман С. Прибыли без производства / С. Мелман. – М. : Прогресс, 1987. – 520 с.
13. Шедяков В.Е. Регионально-отраслевая конкуренция и ложная социальная стоимость / В.Е. Шедяков // *Бизнес Информ.* – 1992. – № 29. – С. 9–10.
14. Шедяков В.Е. Мелкотоварные иллюзии и реальность / В.Е. Шедяков // *Акционерное дело*. – 1992. – № 4. – С. 56–62 ; № 5–6. – С. 69–77.
15. Шедяков В.Е. Работа з реальністю при організації міжсистемних інформаційних потоків / В.Е. Шедяков // *Політичний менеджмент*. – 2011. – № 4(49). – С. 37–45.
16. Шедяков В.Е. Принцип превращенных форм в управлении социохозяйственной модернизацией / В.Е. Шедяков // *Харьковские социологические чтения* – 95. – Харьков, 1995. – С. 39–42.
17. Шедяков В.Е. Хибні соціальні величини в інформаційних обмінах постсучасності / В.Е. Шедяков // *Соціальна психологія*. – 2011. – № 4(48). – С. 106–114.
18. Егоров И.А. Логика экономического процесса: социоекономический синтез / И.А. Егоров // *Мировая экономика и международные отношения*. – 2004. – № 4. – С. 27–36.
19. Развитие метода политической экономики / Сост. : Ю.Г. Козак, С.В. Ляликов, С.В. Новиков, Я.И. Кузьминов ; под. общ. ред. А.К. Покрытана. – М. : Экономика, 1986. – 271 с.
20. Гриценко А.А. Метод «Капитала» К. Маркса и структура политической экономики в широком смысле : автореф. дис. ... д. э. н. / А.А. Гриценко – Одесса, 1989. – 44 с.
21. Хейзинга Й. *Homo Ludens*. В тени завтрашнего дня / Й. Хейзинга. – М. : Прогресс, Прогресс-академия, 1992. – 464 с.
22. Sakaiya T. *The Knowledge-Value Revolution or a History of the Future* / T. Sakaiya. – Tokyo ; N.Y. : Kodansha America, 1991. – 379 p.
23. Горц А. Нематериальное. Знание, стоимость и капитал / А. Горц. – М. : Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2010. – 208 с.
24. Пикетти Т. Капитал в XXI веке / Т. Пикетти. – М. : Ад Маргинем Пресс, 2015. – 592 с.
25. Геєць В.М. Україна у вимірі економіки знань / В.М. Геєць, В.П. Александрова, Ю.М. Бажал ; за ред. В.М. Геєця. – К. : Основа, 2006. – 592 с.
26. Шедяков В.Е. Досягнення й утримання конкурентоспроможності в умовах посилення ролі економіки знань / В.Е. Шедяков // *Формування ринкових відносин в Україні : зб. наук. праць*. – 2015. – № 4(167). – С. 22–29.
27. Шедяков В.Е. Продуктивний потенціал застосування концепції інтелектуального капіталу: особливості, можливості та обмеження в українських умовах / В.Е. Шедяков // *Наука та наукознавство*. – 2012. – № 2. – С. 35–42.
28. Шедяков В. Стимулювання розвитку та реалізації науково-інтелектуального потенціалу в умовах проведення постсучасної модернізації / В. Шедяков // *Економіст*. – 2012. – № 12. – С. 42–45.
29. Шедяков В.Е. Значення формування та активізації науково-інтелектуального капіталу суспільства в реалізації господарської стратегії, адекватної глобальним тенденціям розвитку економіки знання / В.Е. Шедяков // *Формування ринкових відносин в Україні*. – 2015. – № 1. – С. 146–152.
30. Шедяков В. Інтелектуальний капітал України та проблеми вдосконалення управління його розвитком та використанням / В. Шедяков // *Економіст*. – 2012. – № 10. – С. 14–17.
31. Райнерт Э.С. Как богатые страны стали богатыми и почему бедные страны остаются бедными / Э.С. Райнерт. – М. : НИУ ВШЭ, 2011. – 384 с.
32. Пигу А. Экономическая теория благосостояния : в 2-х т. / А. Пигу. – М. : Прогресс, 1985. – Т. 1. – 512 с. ; Т. 2. – 454 с.
33. Шедяков В.Е. Богатство народа: откуда и куда? / В. Е. Шедяков // *Бизнес Информ.* – 1995. – № 29–30. – С. 4–7 ; № 31–32. – С. 5–9.
34. Бузгалин А.В. Пределы капитала: методология и онтология. Реактуализация классической философии и политической экономики (избранные тексты) / А.В. Бузгалин, А.И. Колганов. – М. : Культурная революция, 2009. – 680 с.
35. Шедяков В.Е. Постмодернізація трудових відносин як об'єкт соціального управління : автореф. дис. ... докт. соціол. наук. / В.Е. Шедяков. – Харків, 1996. – 32 с.